

Тихотворения. Вадим Белоусов

“...Дух творчества роднит нас с Богом Творящим.
Человек способен творить нечто, в этом мире прежде не бывшее...”
Григорий Палама. Беседы(Омилии)

Первая встреча

Пространство между Новороссийском и Геленджиком, древнегреческая гавань Пагры. Место, издавна притягивающее ураганные ветра и охраняющее корабли. Горы, кольцом обступившие узкую полосу берега, стесанные камни портового Новороссийска, а с противоположной стороны Цемесской бухты - рощи пицундской сосны, террасами поднимающиеся в гору Дооб. Курорт Кабардинка. Уютный поселок, известный первым на побережье пятизвездочным отелем, дюжиной детских лагерей и... Деревянный мостик через реку, виноградники до горизонта, и вдруг – готический стрельчатый свод часовни, словно перенесенный на побережье Черного моря из средиземноморской Барселоны. Перед вами одно из рукотворных чудес Черноморского побережья, «Старый парк». Подобно Растрелли и Камерону, создателям знаменитых парков Царского села, автор и зодчий «Старого парка», Александр Алексеев предпринял беспрецедентную попытку собрать на небольшом участке земли удивительные образцы искусства нашей цивилизации. Здесь собраны воедино храмы Древней Греции и Египта, средневековые башни и современная скульптура. И, безусловно, как маленький парк Александра Алексеева может равняться на величественные Петергоф и Гатчину, если в нем не будет своей уникальной коллекции произведений искусства? И вот – мы переступаем порог его еще одного храма, совершенно недавно открывшейся художественной галереи. Именно здесь поселилась самая большая в мире, и, можно сказать, единственная коллекция работ удивительного русского художника.

Vadim.

Знатокам современного русского искусства, коллекционерам, специалистам Русского музея и Третьяковской галереи хорошо знакома эта подпись. Vadim. Без фамилии, даже инициалов. «Больше всего боюсь власти... И денег», - говорит художник Вадим Белоусов. «И молю бога, чтобы у меня их никогда не было». Ангелоподобное хрупкое человеческое существо. Огромные глаза на сухом скуластом лице, коротко стриженные волосы, большие руки, неброская манера общения. Совершенное проникновение в собеседника. В нем нет ни эгоцентризма заслуженного мастера, ни присущего многим художникам артистизма самолюбования, а лишь – простота гения и труженика, понимающего, что его произведения – это части его тела, души, духа, отрезанные, отданные для того, чтобы продолжиться в другой плоскости, измерении, времени.

За плечами художника учеба в московском высшем художественно-

промышленном училище им. Строганова, сотни международных и российских выставок, участие его работ, наряду с основополагающими произведениями В.Кандинского и А.Родченко, в эпохальной выставке Государственного Русского Музея «Абстрактное искусство. XX век», где была подведена черта под вековой историей возникновения и развития направления, изменившего всю картину мирового авангарда, и основоположниками которого являлись наши соотечественники.

Ранние работы Белоусова восхищают тщательностью анализа и совершенством владения техникой старых мастеров. Кропотливое изучение шедевров Итальянского и Северного Возрождения, натюрморты в духе малых голландцев, эксперименты в стиле Дали и Де Кирико - все это нелегкий путь художника в поисках своего неповторимого языка, своей философии.

В конце 80х - начале 90х художник много экспериментирует с различными материалами, использует коллаж, монтаж объектов на плоскости холста, обращается к технике гобелена (серия «Стульев», имеющая продолжение на холсте). В произведениях этих лет есть здоровое хулиганство, юмор, смелость, задор - неотъемлемые спутники как представителей московского концептуализма этого периода, так и произведений русских «кубофутуристов» начала века. В середине девяностых Белоусов виртуозно использует эффекты фактуры, оптические иллюзии («Исчезающий квадрат»), игру с формой (его удивительные «Женщины», выполненные не без влияния японской живописи и абстрактного экспрессионизма). Именно в этот период появляется особое настроение, строй в произведениях художника. Вадим Белоусов обращается к жанру морского пейзажа, штудируя, раскладывая природу на элементы (лодочка, берег, камни, остров, луна), достигая максимальной упрощенности и емкости, при этом удивительной точности передачи световых состояний природы. «Тишина», «Камни», «Пустынный берег» - перед нами удивительные по аскетичности формы и цвета произведения, супрематический минимализм и медитативная глубина которых восхищают. В этих работах, основанных на наивысших достижениях русского авангарда и послевоенной абстрактной традиции (Э. Штейнберг, М. Шварцман, М.Ротко), впервые за многие годы, как ни странно, вдруг обнажается именно южная, восточная, стремящаяся к максимальному лаконизму, цитате, суть художника. В конце 90-х Белоусов создает невероятно трагичные, почти монохромные произведения («Ночь», «Плач», «Портрет»), кульминацией которых станут более поздние «Снятие» и «Грехопадение».

Морскую тему продолжают «Сны» - произведения, в которых пейзаж, будучи первоосновой, материалом художника, уступает место иным образам. Художник отходит от разбора и расчленения на элементы нашей реальности, отталкивается от нее и - воспаряет. Перед нами созерцания уже других миров и времен, в которых обитают, подобно нам, такие же существа, со своими заботами, жизнью, а художник, взлетающий над миром, подобно Андрею Тарковскому, разглядывает туман океана Солярис, в котором еле заметны то рябь на воде, то очертания жилищ и фигур.

«Состояния», «Сумерки», «Девочка», «Вечерний», «Дождь», «Мираж» (2000-2005)-

это уже преимущественно беспредметные работы, удивительные по интенсивности эмоций и глубине мировосприятия. Шаг за шагом абстрактный язык вытесняет из работ художника силуэты и образы нашего мира. «Тернеру» - так называется одна из работ Вадима Белоусова этого периода, в которой он отдает дань почитания своему английскому коллеге позапрошлого века, первопроходцу абстрактного языка (произведение это, кстати, находится в коллекции галереи Александра Алексеева). Перед нами «листы графики» (именно так называет художник свои картины выполненные темперой на бумаге), которые словно пульсирующая вселенная, где всего несколькими штрихами подчеркнута мысль автора. Проходя по лабиринту намеков и догадок художника, зритель погружается в первозданный мир, каждый раз творя свою, собственную реальность. Подобное творчество, построенное на интуиции и импровизации, - это визуальное отображение возникновения жизни из хаоса, рождения мира из ничего. Таким образом, уже в самой технике заложена та отвлеченность и антисубъективизм, о которых мечтал Петр Митурич, говоря о художнике-проводнике, «сейсмографе». Именно в «Состояниях», многие из которых украшают коллекцию галереи Александра Алексеева, впервые из подписи на работах исчезает фамилия художника.

С этого времени, и далее, мы видим в качестве подписи только имя, Vadim. Здесь стоит сделать теоретическое отступление.

Искусство 20 века, преследовавшее совершенно иные цели, предполагало и совершенно иные особенности внутренней структуры произведения, где понятия пространства, времени, ритма, а также позиции автора претерпели значительные изменения. Художники обращаются к синтезу художественных средств, к иной динамике, но основной задачей была передача идей, стоявших за рамками понимания. В поиске своего художественного метода, попытке выразить «невыразимое», воссоздать состояния иного порядка, Вадим Белоусов обратился к абстрактному языку, который, несмотря на внешнюю отвлеченность и кажущуюся враждебность, является продолжением исконно русской религиозной философии «стяжания внутреннего света» (или исихии) и, как следствие, преображения. Мистическое направление восточного христианства, принесенное в Россию византийскими монахами и мастерами, прочно укоренилось в русской иконописи, а через монашествующих подвижников и их учеников – в литературе. Тема возвышения, «обожения», преображения человека является лейтмотивом русской культуры, проходит красной нитью через произведения как философа Достоевского, так и революционера Горького. Светом подобных высот пронизаны стихи и мысли самого радикального художника 20 века Казимира Малевича, который писал, что «... человек является человеком в той степени, в какой он сверхчеловечен», и уточнял: «религия - высшая точка легкости как состояние вне материи, существующее, где материя исчезает в духе, в душе, образе. ... о-художествить все равно что о-божествить, о-святить»(Малевич К. Архитектура как степень наибольшего освобождения человека от веса). Художник не может стать на этот путь, внутренне не изменив себя, ведь именно через него, освобожденного от веса традиций, реальности и предметов, начинает воплощаться то, о чем так кратко и гениально сказал Мартин Хайдеггер: «творение дает Богу пребывать... оно само – есть Бог» (Хайдеггер М. Исток художественного творения)

Тихотворения

Творения Вадима Белоусова - это странно-знакомые миры еле уловимых очертаний, тишины, звуков. Это слепки внутреннего мира автора, где, как в храме, миллионы мозаик сливаются в свет, и воспринимать его невозможно не зажмурившись, иными словами – просто зрением. Вселенная художника рождает новые образы, лица, лики. В работе «Смеющийся» - это тени, отблески человека, случайные или неслучайные гости на картинах. Силуэты, наполненные сиянием - в холсте «Меланхолия». Залитые светом - «Лики». Самые мощные из произведений этого периода это, безусловно, работы на евангельские темы: образы распятия, снятия с креста, грехопадения. «Снятие» - это своеобразная кульминация определенного периода творчества художника, и - начало нового этапа... Работы последних лет поражают простотой средств выражения и внутренним светом, озаряющим их. Перед нами небольшого формата листы графики, на которых угадываются силуэты: то ли человеческие, то ли небесные. Центральная композиция, статичность, фигуры, не помещающиеся в лист и выходящие за его пределы, явленные словно вне времени и пространства. Без-ликие (стоит здесь вспомнить темные лики икон), почти прозрачные, невесомые, эти силуэты - как представители бесконечной небесной иерархии. Безусловно, эти тончайшие произведения создавались не без глубокой опоры на философию русской фресковой живописи, иконописи и, возможно, поздних произведений Малевича, но они – их органичное продолжение. Продолжение русской традиции, переданной нам Феофаном Греком, подхваченной Рублевым и продолженной Казимиром Малевичем, в страшные тридцатые годы прошлого столетия воскликнувшего «Бог не скинут!» и словно кровью написавшего свой канонический «Второй крестьянский цикл».

Мир Вадима Белоусова. В нем тишина. Почти что пустота. Почти. Никогда – одиночество. Всегда – туман, в котором проступают следы, даже не силуэты. Так, в слепую, словно бы на ощупь, идет он по тому иному, горнему миру, в котором непонятны правила игры, не ясен конец и неизвестно начало. Художник, словно первопроходец, нащупывает тропинку и рассказывает нам, смертным, отягощенным телами и делами, о том, что ЗА.

Под занавес

«Почему Кабардинка? Почему ваша коллекция нашла себе пристанище здесь – а не в Париже, Лондоне, Нью-Йорке?», - задаю мучающий все время вопрос, ведь осознание, что художнику такого уровня нужно иное экспозиционное пространство не покидает. «Я родился на Юге. Помню море...», - поясняет он. «На моих картинах лодочки, берега. Я внутренне искал дом для своих работ, не хотел, чтобы это попало в частную коллекцию, где навсегда будет скрыто от людей. И, как видите, все сложилось...».

Составленные из кусочков картона авторские паспарту являются продолжением графики, а ведь Вадим не скрывает, что часто материалом для оформления работ служит московский мусор, ведь в Москве можно найти великое множество уникальных и полезных артефактов (здесь стоит вспомнить такое направление как итальянское Arte Povera или «бедное искусство»). «Мое искусство сделано из

подножных материалов. Я не покупаю дорогую бумагу, оформляю работы сам. Те паспарту, что вы видите – я действительно подобрал все это под ногами». На фотографиях иногда попадается надпись «уничтожено». «Да - такое случается. Часто холсты мне приносят друзья-художники, ведь я могу уничтожить работу, записать - и это безвозвратно».

Бесконечной скромности, преданности своему пути, совершенной непривязанности этому миру, обескураживающей искренности человек. Человек преображенный, даже если мы и не знаем точно его религиозных взглядов и вероисповедания. Художник. Просто Вадим.

Информация

Вадим Белоусов

Родился в 1948 году в г. Шахты.

Окончил Московское высшее художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское).

Участие в выставках:

1980 Всесоюзная молодежная выставка. Ташкент

1980 - 1983 Зональные выставки

1993 Золотая кисть. Центральный Дом художника. Москва

1991 Художественная выставка. Берлин

1991 Художественная выставка. Вена

1993 Художники Кубани. Центральный Дом художника. Москва

1994 Художественная выставка. Никосия, Кипр

1994 Сочинский фестиваль современного изобразительного искусства. Сочи

1996 Художественная выставка. Бремен, Германия

1997 Центральный дом художника, Москва

1998 Московский международный художественный салон «ЦДХ -98»

1998 Арт-манеж, ЦВЗ Манеж, Москва

1999 «Золотая кисть - 99», центральный дом художника, Москва, 3 премия

2000 Арт-манеж, ЦВЗ Манеж, Москва

2001 «Абстракция в России. 20 век», ГРМ

2002 ЦДХ, Москва

2002 Центральный Дом Архитектора, Москва.

Работы находятся: ГРМ, галерее Русская галерея на Воздвиженке, галерее Якубская, Прага (Jakubská 4 110 00 Praha 1 stare mesto), в Художественном музее им. Коваленко, Краснодар, Центре современного русского искусства (коллекция А. Глезера).